

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ ГРУППЫ

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

Легенды русского рока

Евгений Додолев

**«Машина времени». История
группы. Юбилейное издание**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

Додолев Е. Ю.

«Машина времени». История группы. Юбилейное издание /
Е. Ю. Додолев — «Издательство АСТ», 2019 — (Легенды
русского рока)

ISBN 978-5-17-109333-4

Выход книги приурочен к полувековому юбилею «Машины времени». О легендарной группе рассказывают сами «машинисты», их жены, а также друзья-соратники, такие как Александр Градский, Владимир Матецкий и другие. Помимо Андрея Макаревича и его коллег-музыкантов, персонифицирующих легендарную рок-команду на протяжении последних 50 лет, здесь представлены фигуранты, широкой публике неизвестные, но сыгравшие значительную роль в истории коллектива.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

ISBN 978-5-17-109333-4

© Додолев Е. Ю., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	8
Раздел номер раз. «Машинисты», прямая речь	11
Борзов Юрий. Интервью 2018 года	12
Рыженко Сергей. Интервью 2018 года	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Ю. Додолев «Машина времени». История группы. Юбилейное издание

Все права защищены.

Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения информации, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Автор выражает признательность тем поклонникам «Машины времени», которые сочли возможным поделиться сохранившимися фотографиями, и особо благодарит официального фотографа группы Маргариту Шол и Марианну Ефремову, предоставившую свой уникальный фотоархив для данного издания.

© Евгений Ю. Додолев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ЕВГЕНИЙ Ю. ДОДОЛЕВ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

ИСТОРИЯ ГРУППЫ

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

За 50 лет жизни про «Машину времени» было много чего написано – и хорошего, и, так сказать, разного. И довольно долго я, который еще помнит, как все было на самом деле, страшно по этому поводу переживал: рвался спорить, пытался исправлять – в общем, бился за правду. Пока не сказал себе – Андрюша, успокойся. Не бросайся на ветряные мельницы. Любая

история (к сожалению, не к сожалению – другой вопрос) – это не то, как все было в реальности, а то, как эти события описывают люди. А люди разные, поэтому у них разные вкусы, амбиции, разное отношение к данным событиям. Поэтому, излагая их ход каждый по-своему, они, не желая того, рассказывают и о себе. Но это же интересно! А правда – какая такая правда? Она, как выясняется, у каждого своя.

За скобки выношу своего старого товарища Женю Додолева, который собрал все это под одну обложку и соединил своим текстом, за что ему большое спасибо.

Андрей Макаревич

От автора

*Один утверждал: «На пути нашем чисто»,
Другой возражал: «Не до жиру».
Один говорил, мол, мы – машинисты,
Другой говорил: «Пассажиры».*

Андрей Макаревич, «Вагонные споры»

Это не книга и не учебник по истории «Машины времени». Желающие могут сами познакомиться с мемуарами Капитановского, Макаревича, Подгородецкого (не обязательно в алфавитном порядке), осмыслить прочитанное, разделить на шестнадцать, составив некий виртуальный учебник. Под этой обложкой – лишь некие факультативные наброски, достаточно пристрастные, поскольку состоят, главным образом из высказываний персонажей, так или иначе заинтересованных.

И, конечно, здесь именно про «Машину», но не про музыку. Потому что писать про музыку должны профессиональные музыковеды, иначе книга будет выглядеть, как газетная рецензия на альбом. Известно, что у нас нет профессиональных ТВ-критиков: о телевидении пишут люди, которым доверили корреспондирующие рубрики в изданиях, при этом ни понятия о форматах, ни элементарного знания истории телеиндустрии у них нет. Говорят, и с театральной критикой аналогично. Да и киноведение оставляет желать лучшего. Однако, если верить Градскому, у нас есть профи, разбирающиеся в нотосложении и умеющие отличать бау от баяна, а домбру от домры. Им и флаг в руки...

Здесь же – пути музыкантов-патриархов и полувековая стезя их славного коллектива; траектории творческие и бытовые, но без музыковедческих нюансов, в коих дилетантам разбираться не с руки.

Но есть два момента.

В издании не уделено достаточно места общественно-политическим экзерсисам музыкантов группы, в частности такому, как #крымнаш (за исключением нескольких пассажей Юрия Борзова и Сергея Рыженко). И не только потому, что отношение автора и объектов повествования к этому хэштегу не совпадают. Да, я не разделяю радикального антипутинизма Александра Кутикова. И даже более умеренная, но при этом достаточно воинственная позиция Андрея Макаревича, сочиняющего песни про «крыс» и «глистов» кажется мне не вполне уместной в нынешнем геополитическом контексте. Но дело еще и в переосмыслении собственного репортерского вклада в то, что представлялось мне разрушением грозной административно-командной системы брежневского образца, а, по сути, явилось весьма весомым взносом в дело передачи власти запредельно циничным чекистам и функционерам ВЛКСМ образца Фридмана и Ходороковского.

И второй, сопряженный с вышеозначенным аспектом нюанс – сакраментальный «еврейский вопрос». С одной стороны, непрофессионально игнорировать столь живописные эпизоды, как взятка размером в пять рублей, данная работнику паспортного стола юным Сашей Кутиковым за то, чтобы в пресловутом пятом пункте паспортины слово «еврей» было написано с заглавной буквы. С другой стороны, аналогичные моменты настолько ярко и детально описаны Петром Подгородецким в его мемуарах 2007 года «„Машина“ с евреями», что мне не стоит этого делать – нелепо лезть со свиным рылом в кошерный (зачеркнуто) калашный ряд. Да и в «рассказиках» самого Макаревича блестяще описаны многие забавные эпизоды, дублировать кои в пересказе эфирных собеседников просто не к чему.

«Машинист» (не суть важно, кто) на очередную просьбу прокомментировать достаточно жесткую реплику одного из спикеров данной рукописи, отослал меня именно к мемуарам самих музыкантов, заметив: «События эти происходили все-таки со мной, а не с имярек, так что если есть желание не выглядеть идиотом, давай расставим приоритеты, впрочем, дело твое, хочешь выставить имиярек мудаком – выставляй».

Но ведь если этот самый имярек, будучи авторитетным и заслуженным деятелем культуры и мастодонтом отечественного бизнеса, за свою долгую и лихую жизнь давший сотни интервью, беседуя с журналистом, счел нужным по-своему трактовать те или иные факты, если он напутал (как в описываемой ситуации) не только мотивацию поступков своих коллег, но и хронологию, мудаком все-таки выглядит не интервьюер. (Впрочем, не буду же я спорить – ничто так не бесит фанатскую аудиторию, как попытки полемизировать с их кумиром. Иногда лучше принять к сведению, а не ловить собеседника на нестыковках.) Не говоря уже о том, что десятилетия репортерской практики приучили меня ценить так называемое «второе мнение» (second opinion).

Вернусь к этому тезису в КОДЕ.

Как бы то ни было, здесь нет сакраментального инсайда и взрывных сенсаций, ничего «бомбического» и/или экстравагантного.

«Кто более матери-истории ценен?»

Перефразировав Маяковского, можно утверждать: говорим «Машина времени», подразумеваем «Макаревич», произносим «Макаревич» – подразумеваем «партия» (зачеркнуто) «Машина времени».

С одной стороны, так и есть. С другой, самые обсуждаемые скандалы последних лет имеют при всем при этом непосредственно к самой «МВ»¹ так себе отношение. Конфликт «Лимонов Vs Макаревич» 2014 года или тяжба лидера группы с Александром Прохановым в 2015 – конечно, темы благодарные в смысле резонанса, но, по мне, не для этой, юбилейной, рукописи.

Да, «Машине» в 2019 году – 50 лет. А в 2023 Андрею «Макару» Макаревичу 70 лет, и если кто-то заманется на томик в серии «ЖЗЛ», непременно вспомнит эти дразги из серии «оба хуже»; я же на своем веку наразоблачался, и мне интересно было просто поговорить «за жизнь» с теми, кто для моего поколения был и остается «ЛЕГЕНДОЙ».

Это не значит, что у меня нет своего мнения; просто я им слишком дорожу.

Допустим, я убежден, что, по большому счету, Державина слили из коллектива из-за его «крымнашизма», хотя ни с одним из Андреев я эту тему не обсуждал, а экс-клавишник «МВ» еще в 2013 году говорил мне, что намерен свой «Сталкер» возродить. Тем не менее, есть ощущения.

Или, допустим, уход Маргулиса. Мне стукнули, что Евгений предложил коллегам воспользоваться предложением спонсоров – грянуть «Прощальный тур», а лидер не пожелал дразнить публику лже-уходом. И два великих «машиниста» разошлись. Андрей эту версию в нашей беседе отрицал категорически.

Впрочем, как там у Высоцкого? «Я ненавижу сплетни в виде версий».

Поэтому, повторяю, сенсаций под этой обложкой НЕТ, НЕТ и НЕТ, как и в природе «молодой шпаны, что сотрет нас с лица земли» (© БГ)!

И никакой концепции в данном издании опять же нет.

Как и драматургии, собственно.

¹ «Машина времени» (Здесь и далее по тексту – *примеч. ред.*)

Однако, есть структура, «простая, как колумбово яйцо» (© «АВМ»²): книга состоит из трех очень разных (идейно-стилистически) разделов.

В первом я собрал интервью с музыкантами «МВ» (действующими и бывшими), записанные за последние пять лет в рамках моих авторских проектов «Правда 24» (канал «Москва 24») и «МимоНот» (радио Mediametrics). И здесь уже зарыта толстая собака необъективности, поскольку в этой фундаментальной части повествования не представлены (по, увы, вполне объективным причинам) некоторые ключевые – в моей системе координат – фигуранты.

В 2008 году ушел в лучший из миров один из основателей «МВ» Сергей «Японец» Кавалего. В этом же году в Ивановской области убили Александра «Полковника» Зайцева. В 2012 году не стало Максима «Макса» Капитановского.

Не смог я заполучить в качестве собеседника Валерия Ефремова, который как будто дал обет молчания; хотя кое-какой дефицит информации восполнила его супруга – Марианна Ефремова, с которой мы знакомы с начала 80-х гг. У Петра Подгородецкого я, как мне кажется, в «черном списке»: не откликнулся он ни разу. Предположу, что предыдущая моя работа «Времени машины», вышедшая пять лет назад, показалась Петру Ивановичу необъективной (его не было на обложке).

Второй раздел: летописание коллектива, в котором представлены события, быть может, вовсе не знаковые для музыкантов и фанатов, но мне памятные по тем или иным причинам.

Третий раздел: высказывания экспертов. Как бесспорных музыкальных авторитетов – Александра Борисовича Градского и Владимира Леонардовича Матецкого, – так и тех, чье мнение интересно было прежде всего лично мне.

И завершает все это дело КОДА, где я попытался зашифровать свое журналистское кредо и резоны, по которым взялся за эти записки.

У всех у нас есть прошлое. И мы его помним. Но каждый – свое. И только собрав воедино воспоминания, можно попытаться воссоздать историю такой, какой она была. Поэтому предлагаемая читателям вещь – не более чем попытка посмотреть на пройденный путь глазами пока живых.

Последний аккорд книги – ПОСЛЕСЛОВИЕ, которое я заказал по давней дружбе Игорю Воеводину.

² Андрей Вадимович Макаревич.

Раздел номер раз. «Машинисты», прямая речь

Итак, еще раз: в этом разделе собраны беседы с «машинистами» за последние несколько лет. На всякий случай: расположены материалы не по значимости персонажей, а по, условно говоря, эксклюзивности.

Мои эмоции всегда при мне, и я считаю нужным демонстрировать их только если стандартный инструментарий интервьюера не срабатывает. Думаете, если человек – ваш единомышленник, надо его подавать публике «в лучшем виде»? Но как же журналистская честность? И почему провокационный вопрос обязательно должен пойти в минус человеку? Собеседника провоцируют, чтобы он не «спал» на интервью и не отделялся банальностями. Провоцируя, часто помогаешь своему визави – зритель ценит искренность и непосредственность.

Поскольку Валерий Ефремов, повторю, крайне неохотно дает интервью, в этом разделе его место (не за ударной установкой, но в рукописи) заняла жена Марианна «Марьяша» Ефремова, которая не только поделилась со мной уникальным личным фотоархивом, но напомнила значимые вехи их общей (с «Машиной времени») биографией.

Борзов Юрий. Интервью 2018 года

Одноклассник Андрея Макаревича и первый барабанщик «Машины времени» Юрий БОРЗОВ добровольно отказался от звания сооснователя группы. Он сам ушел из команды через три года после ее создания, позднее играл в группе «Ребята, Которые Начинают Играть, Когда Полосатый Гиппопотам Пересекает Реку Замбези» Алексея Романова. Сейчас занимается живописью и... лошадьми. Интервью не дает из принципа.

На излете осени 2018 года я не без труда уговорил экс-«машиниста» приехать домой к Александру Липницкому (беседа с которым ниже – в «экспертном» разделе); Саша работал над фильмом к юбилею «МВ» и мы решили одним выстрелом убить редкого зайца. Пили черный чай, ели белый зефир, и вечер прошел незаметно. Фрагмент этого разговора Липницкий включил в свою ТВ-работу, кое-какие мелочи я обнаружил в газетах, ну а полностью это интервью выходит здесь.

Специально не стал пометать, какие именно вопросы задавал Александр Давидович, какие – я: значение, по мне, имеют только скупые, но от этого не менее ценные ответы нашего «дефицитного» собеседника.

– С кем-то из той поры, из школьной, отношения поддерживаешь, Юрий?

«У Макаревича были две девочки. Они пели песни протеста на английском языке»

– Да нет, не поддерживаю, не сложилось.

– Не были близки с теми, с кем в школе начинали музыкой заниматься: Лариса Кашперко, Евгений Прохоров, Михаил Яшин...

– Женя Прохоров давно погиб...

С одноклассниками я не общаюсь и на встречи не хожу. Я случайно как-то раз попал, подумал, что это пришли учительницы, меня это напугало...

– Да, тетки сильно меняются...

– Но я понимаю, что и дядьки тоже меняются, но как-то... В голове остаются какие-то образы юных девушек, воспоминания, а тут какие-то бабушки. Это тяжело и ни к чему.

А зачем? Встречаться нужно с людьми, с которыми интересно, а не потому, что ты с ними жил рядом или ходил в одну школу.

– Ну, интересно посмотреть, что стало с человеком.

– Вот я посмотрел, мне не понравилось. Изменения никого не красят. Редко кто хорошеет с годами.

– А с Андреем Вадимовичем Макаревичем когда в последний раз виделись?

– Он ко мне приезжал до моей выставки или после выставки (август 2018 года, галерея «Роза Азора» – Е.Д.), туда, в мое хозяйство. Сидел на лошади, между прочим.

– Макаревич на лошади – это сильно.

– Да, там мы вдвоем. Он выложил это у себя в Фэйсбуке, назвал «Три богатыря»...

– А третий кто?

– Бродский Саша, архитектор.

– А ты в МАРХИ поступал с Андреем одновременно?

– Нет, нет, он поступил в архитектурный, я – в авиационный.

– В авиационный – по папиным стопам? Никак не связано?

– Ну, да, естественно, конечно. Конечно, связано. У меня и старшая сестра авиационный закончила, направленность такая была.

– Хорошо, МАРХИ всплыло почему?

– А МАРХИ всплыло случайно. Я год проучился в авиационном и взял академотпуск, потому что не тянул.

И Макаревич мне сказал: «Чего ты маешься? Ты прекрасно рисуешь, давай мы тебя поднатаскаем немножко сейчас, и сдавай экзамены к нам, поступай».

И стали все меня учить там. Подружки, друзья Макара. И как-то вошел в комнату Вадим Григорьевича, отец Макаревича, посмотрел на все это занятие и сказал: «Пошли все вон отсюда, я буду сам заниматься». И меня за два месяца, даже меньше, где-то месяца за полтора натаскал по рисунку, я сдал экзамены... Ну, остальные – физика, математика – там были для меня, как семечки.

– Хорошо в школе учился?

– Я год проучился в авиационном. После этого там сдать физику и математику – пустяк.

– А с Макаревичем в школе сошлись исключительно на теме музыкальной или дружили до этого?

– Нет, как-то мы сошлись еще до музыки. По книжкам, по рисунку... Даже Рэй Брэдбери был раньше.

Я пришел в их школу в классе в 6-ом или 7-ом...

– Но вы одноклассниками были?

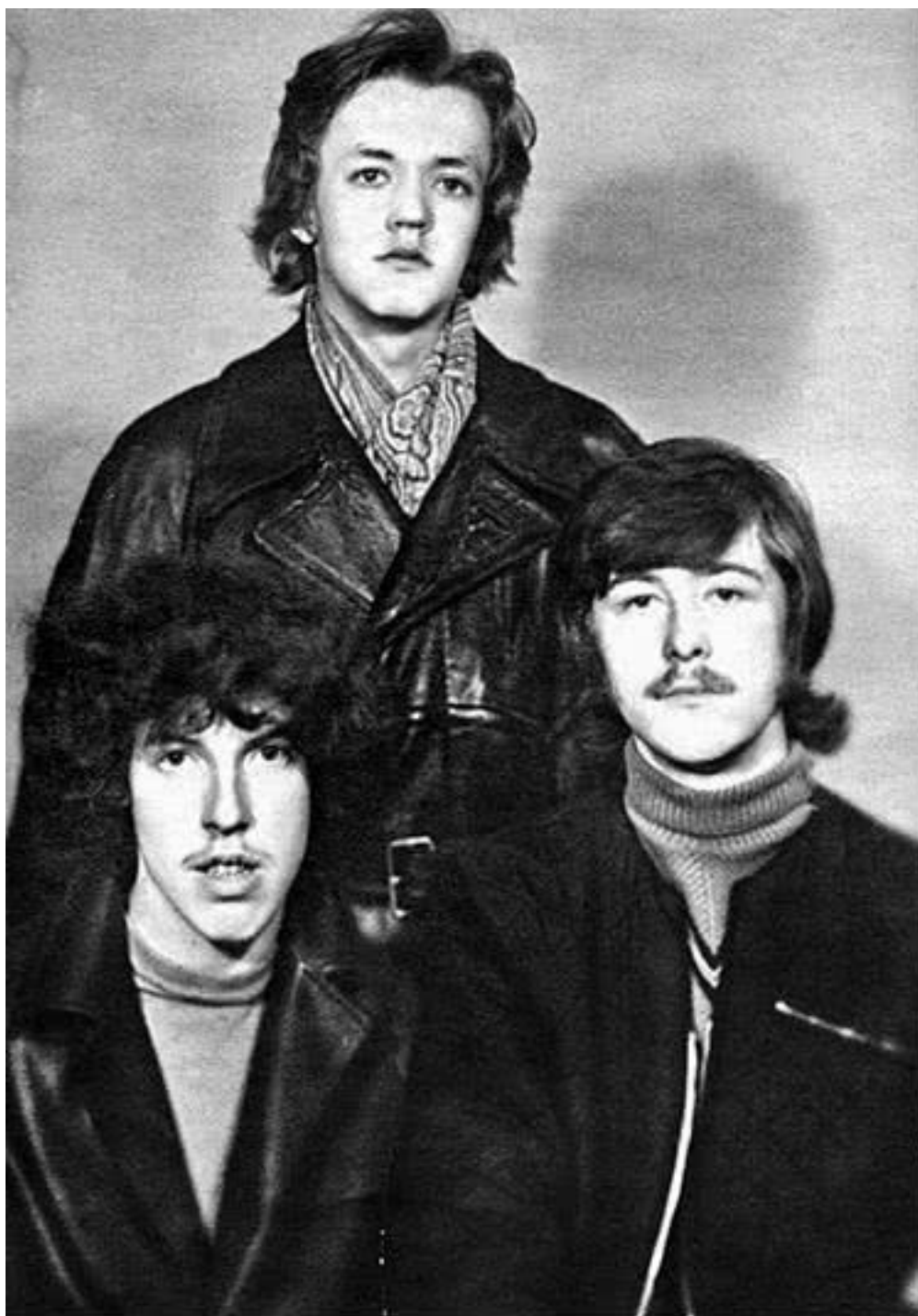
– Да, я попал к нему в класс. Но я пришел из простой школы, а у них была английская, спец. В английской спецшколе английский с первого класса, а в обычной с пятого. У меня уровень был: «йес, ит из» и «май нейм из».

– Кто тебя подтягивал по языку?

– Наняли репетитора. Я быстро очень подтянул. Это как-то легко было.

– А рисовать?

– На уроке, когда сидел, слушал учителя, рука сама чего-нибудь рисовала. Кто-то через плечо заглянул: «О, здорово. А Ленина можешь?» – «Могу и Ленина». Ну и так далее. И пошло. Макар хорошо рисовал, и я хорошо рисовал.

Андрей Макаревич, Юрий Борзов, Александр Кутиков

- А когда возникла музыка? И почему именно барабаны?
- Вот этого я точно не помню... Я помню такие картинки, как вышел фильм «Вертикаль». Это первые песни Высоцкого, которые с экрана прозвучали.
- Это 1967 год, уже и «Битлы» во всю были?
- «Битлы» были, ну и ладно, фиг с ними, с «Битлами».
- Это от «машиниста» интересно такое услышать!
- За это можно все отдать, да?

Первый раз я увидел, как Андрей играет на гитаре песни Высоцкого, ну, 3-4 аккорда. То есть уровень игры был такой, они вдвоем с Мишкой Яшиным исполняли эти песни.

– Где это было? У кого-то дома?

– Нет, это было в школе, в классе, учителя слушали...

– А что именно исполняли?

– «Лучше гор могут быть только горы» и «Если друг оказался вдруг»... Ну, еще какие-то песни из Окуджавы.

– То есть музыкой в детстве не доводилось заниматься? Скрипочка, фортепиано?

– Фортепиано, конечно!

– Что значит «конечно»?

– Кого из детей не мучили фортепиано?

– Дома был инструмент?

– Был. У меня мама была певица. В «Москонцерте».

Сначала в «Ленконцерте»... В блокаду ездила по фронту с концертами. Может, поэтому и выжили. Потому что все-таки на фронте кормили артистов.

– Так почему за барабанами оказался Борзов в результате?

– В результате идея группы, она в воздухе витала, но... У Макаревича были две девочки. Они пели песни протеста на английском языке, We Shall Overcome и прочие – и это уже совсем близко к «Битлз».

– Пели-то хорошо?

– Не берусь судить сейчас.

– Но красивые были?

– Девчонки были красивые.

Наверное, кто-то в кого-то влюблялся, конечно, увлекался. Но я помню, что Андрей расставался с ними болезненно.

– Он расставался с ними тандемом, с обеими сразу? Почему?

– Да, потому что появились «битлы», у «битлов» вокалисток не было, и это решало все! Должно быть 4 мужика... Поскольку я ни на чем играть не умел, я мог отстукивать ритм.

– Как не на чем? А на фортепиано?

– Да на фортепиано я благополучно там позанимался немножко и забыл, это все выветрилось легко и безболезненно.

– Значит, девушки испарились, кто тогда взял на себя трудную миссию вокалиста? Андрей Макаревич? Кавагое не было тогда еще?

– Нет, он был уже... Сергей был моим другом детства. Мы с ним дружили с вот таких вот лет.

Познакомились с ним в деревне в лесу.

Его вывозили на лето в деревню. И меня тоже.

Это было под Солнечногорском.

– В лесу грибы собирали?

– Нет, по-моему, мы охотились. На воробьев, дроздов. Были духовушки. Сначала у меня, потом ему тоже отец купил.

– Он учился в соседней школе, Кавагое?

– Ну, она не совсем соседняя, она по номеру соседняя, у нас 19, у него 20.

Так она где-то в районе Ленинского проспекта, а наша была прямо напротив Кремля сначала.

– А, кстати, знакомство Кавагое с Макаревичем помнится? Как произошло? Уже выпивали тогда?

– Нет, еще рано было.

Хотя выпивали, конечно. Но совсем немножко. Но там хватало...

– В книге «Затяжной поворот» Макаревич вспоминал всю эту ситуацию несколько иначе:

«По настоянию Японца девочки-певуны были уволены. Началась настоящая мужская работа. Сразу пошли разногласия. Наверно потому что Сереже не на чем было играть. Он ждал посылки от японских родственников – бас-гитару и усилитель. Японец с Борзовым настаивали на песнях Битлов, я же предлагал исполнять произведения менее известных авторов. Случился раскол. Мазай, Японец и Борзов создали другую команду в стенах 20-й школы, где, собственно, Японец и учился. Вскоре меня пригласили на репетицию в 20-ю школу. Команда Японца приобрела название “Дюрапонские паровики”. Группа репетировала в актовом зале. Школа дрожала от звуков. На лицах ребят светилось наслаждение. Только Японец, игравший на органе, выглядел недовольным – он был убежден, что орган не битловский, и проклинал в душе японского родственника, спутавшего орган с бас-гитарой. По барабанам лупил идеолог группы хулиган Комарик. Я понял, что, несмотря на общий пафос, дела группы плохи. Через несколько дней Японец, Мазай и Борзов вернулись в “Машины”. Через две недели мы записали свой первый альбом Time Machines».

А что первое, что начали играть «Машины»?

– Я помню, что мы от Дворца пионеров ездили в какое-то турне, по каким-то подмосковным городам и во Дворцах культуры исполняли эти свои несколько песенок протеста, это были еще две девочки, Макаревич играл на гитаре, а у меня уже было два барабана. Басиста еще не было.

Наташа Макаревич: «Джинсовый костюм из “Березки”, думаю, 1977–78 г.»

Перед какими-то даже неграми играли.

– Как неpolitкорректно.

– Да у нас слово «негр» нормально звучит и никогда ругательным не было!

– В той же книге «Затяжной поворот» Андрей Вадимович вспоминает:

«Песни исполняются на английском языке. В этом составе была сделана самая первая магнитофонная запись, из одиннадцати англоязычных песен, написанных участниками группы. На концертах группа исполняет кавер-версии песен The Beatles и свои песни на английском, написанные в подражание. У нас, вообще, случился ужасный конфликт в своем кругу,

потому что ребята хотели играть битловские вещи, а я им объяснял, что это невозможно, ибо The Beatles слишком хорошо поют. А в нашем варианте это будет отвратительно. Надо играть “роллингов”, потому что они поют примерно как мы, и у нас выйдет более похоже. И “роллингов” или Monkees мы играли тогда значительно больше. Передовая информация долетала до нас в те годы, конечно, с опозданием. И “Вудсток-69” нам чуть позже достался, где-то в 1970–1971 гг. Его открыл нам Стас Намин. Мы слушали выступавших там артистов с утра до ночи, но к “битлам” все равно не остыли. Мы ими еще не наелись. Собственно, когда я услышал “Скоморохов”, то понял, что нужно писать песни на русском языке. Первые песни у меня вышли совершенно нелепые – лирические, печальные, мрачные, безысходные. Чудовищные были тексты, как я теперь понимаю».

Стало быть, пели на английском?

– Пели на английском. И вот тогда уже у Макаревича была тетрадка, где он на слух писал тексты битловских песен. А на слух, поскольку записи были ужасные, переписанные по 10 раз с одного магнитофона на другой, то есть это была полная белиберда. Ну, лишь бы было похоже по звучанию.

Вообще я должен сказать, это удивительно, но мы никогда не вдумывались в тексты битловских песен. Вот что там значат эти слова – вообще не занимало. Абсолютно. И, Слава Богу, может быть, потому что там слова, особенно ранних битловских песен, это, в общем, попсы-тинка. Если вспомнить... Да и все это «бейби, бейби, лав ми, бейби»...

Потом вышел «Сержант Пеппер». И мы писали с одного магнитофона на другой, причем иногда через микрофон – вот ставили, магнитофон «Яуза», тут ставили микрофон, у Макаревича был «Грюндиг»... Пищальный. В смысле звука. Да вот, маленький такой транзистор.

– Альбом «битловский» откуда появился? У Кавагое?

– Нет, альбом привез муж старшей сестры, каким-то образом он денька на три у кого-то взял. Принес его домой, и помню, что я его послушал вечер... И как-то вообще... «Да это не “Битлы”! Что это, что это вообще такое? Это какая-то фигня!» Там какие-то дудки звучат, оркестры какие-то... Нету этого привычного, что запоминается с первого раза. Я как-то разочаровался ужасно! Но ночью у меня все это проварилось в голове, я пришел в школу, и Макар ко мне бросился: «Ну, как?». Он знал, что я ночью буду слушать... И я ему сказал: «Слушай, это что-то потрясающее! Это вообще ни на что не похоже». Ну, наступило некоторое проникновение.

А сперва... Как правило, это мелодия, которая цепляет с первого раза, а это... Дребедень. Ну, по этому принципу попсовые песни пишутся...

– А когда сами стали писать?

– Да Макаревич писать стал очень давно и тоже сначала на английском языке.

– То есть он писал сразу и тексты, и музыку?

– Сразу песню, конечно!

– У тебя не было желания сочинять?

– Нет. Как-то у меня, может, желание и было, но не получалось. А потом меня никто не научил играть на гитаре. Никто! Вот собаки, все сами играли, а меня никто не научил.

Мне это казалось как-то недостижимым. Это потом я понял, что есть несколько аккордов, вот на них поются все песни. А до этого мне никто не объяснил. Мне казалось, что это какое-то особое искусство, зажимать вот эти струны в нужных местах. Я даже не пытался этого постичь. Не знаю, почему.

– Название откуда появилось? Почему Time Machines?

– Название придумывали все.

– Ааа, то есть это легенда, что Борзов придумал?

– Это был мой вариант. Каждый пытался придумать название.

– А какие были варианты еще? И все на английском исключительно?

– Ну, не совсем, хотелось, чтобы они звучали и на русском, и на английском. Я помню, что я предложил два варианта: «Машины времени» или «Летающие тарелки». Все во множественном числе, так полагалось.

– Это оба названия из сферы научной фантастики? То есть было увлечение...

– Ну, что-то вроде, да.

Я и сейчас думаю, что достаточно дурацкое название...

– Где происходил этот брейнсторм?

– Да везде это происходило. Днем встречались и говорили: «Я вот думаю, вот так, а я вот придумал такое». – «Нет... Это не звучит».

– А идеи накидывали только Борзов и Макаревич?

– Не помню, может еще кто-то накидывал.

– Там вообще много людей в какое-то время участвовали. Был и Шурик Иванов, и Паша Рубен, и Игорь Мазаев. Вообще людей, которые как-то близко были к «Машине времени», огромное количество.

– Как произошло утверждение названия?

– Помню, что Макаревич написал это название на большом барабане. Сам, конечно. Натянул на обод простынь и написал: «Машины времени»! По-русски.

И этот обод должен быть у него где-то, в каком-то музее. Потому что где-то на 30-летие «Машины времени» во Дворце спорта был концерт, и я тогда в гараже у себя нашел этот обод от барабана с этой надписью и ему принес, подарил.

– Все концерты были удачные?

– Концерты были редкими. Концерты были в Доме культуры энергетиков.

Еще мы выезжали на Николину гору, у них там что-то вроде концертного зальчика.

– А потом вы на Николиной горе переместились на полянку.

– И на поляне играли. И очень хорошо нас принимали. И сидели, я помню, какие-то и пожилые люди хлопали.

– Пожилые – это лет 30?

– Ну, может быть, и постарше. Дачники пришли на концерт, играют молодые ребята...

Никита Михалков нас забрал потом к себе, конечно, да... Мы у него за столом сидели. Он тогда еще только думал снимать фильм «Свой среди чужих», тоже пел песню оттуда про головку забубенную. Очень хорошо посидели, замечательно. Только напились и утром оказались все в разных местах.

– А в каком составе вы играли этот концерт на Николиной?

– Сейчас не помню, Кавагое был там или нет... А Кутиков был.

– Наверное, приехало куча хиппарей из Москвы?

– Ну, наверное, какая-то команда, которая все время сопровождала...

– «Машина времени» была авторитетным коллективом в Системе? Среди хиппи?

– Ну, думаю, да. Но меня как-то не вдохновляли эти хождения по «стритам»... Не знаю, почему.

– А вещества какие-нибудь? Только портвейн и ничего кроме?

– Нет, слава Богу, в те времена доставать наркотики могли только очень избранные люди. Не знаю, мы не баловались, Бог миловал. Слава тебе, Господи. Портвейна хватало вполне.

И не хипповали.

В школе у нас таким хипповским образом был Мичурин. Иван Владимирович Мичурин. Преобразователь природы. Это было с подачи моего старшего брата, я принес Мичурина, мы очень быстро научились с Макаром его рисовать. Это был наш такой хипповый идол. Человек, который выращивал яблоки, разные ягоды, новые сорта. Вот нам казалось, что он и есть тот самый человек, который соединяет человечество с природой. Немножко это стеб был, конечно... Мы провозгласили его величайшим из великих.

– Возможно, сыграло роль и то, что у «Битлз» – яблоко, их компания Apple.

– Нет. У них яблоко появилось позже, чем у нас; мы школьного Мичурина в пятом классе прошли и забыли. А потом возродили уже в виде такого главного хиппи, который противостоит всей этой бумажной карьерной рутине... Занимается человек прекрасным делом, яблоки выращивает. Мы слагали про него легенды.

У меня заявление. Все готовы?

Я хочу так сказать: я не хиппи. Вот вообще!

Я – сапер! Я реализую свою военную специальность саперную, которую я получил в архитектурном (у нас была военная кафедра). И я страшно благодарен этим преподавателям (я их всех прекрасно помню, еще дедов-фронтовиков настоящих, которые нас учили), за то, что я получил специальность, я ее отработал полностью. С чистой совестью. То есть на мне этих мин, снарядов всех систем и калибров, которые я нашел и уничтожил, вместе с моими ребятами – огромное количество.

– Андрей на военной кафедре как-то себя проявил?

– Нет, он к тому времени перешел на вечернее...

– А с другими группами взаимоотношения какие были?

– Мы репетировали в Доме культуры энергетиков вместе с Градским, у которого тогда была группа «Скоморохи», это – Саульский, Фокин, Градский.

– Респект имел место?

– Еще бы! Как пел Градский, как пел Макаревич... да и сейчас поет. Или как играл на барабанах Фокин, и как я. И Саульский был музыкант, конечно. Но... Я не помню, чтобы было какое-то там высокомерное отношение с их стороны, настолько по-товарищески.

Было очень много, я помню, тогда замыслов: собрать лучших музыкантов – взять лучшего вокалиста, лучшего гитариста, лучшего ударника... Лучшего клавишника. И будет лучшая группа в мире.

– ?!

– Разумеется! В мире, конечно!

Но все-таки тогда, если не умом, то чем-то другим мы чувствовали, что сила группы не в том, что она лучше всех поет, играет и барабанит.

– А в чем?

– Вот не знаю, в чем! В том, что у нее вот это получается как-то, что она чем-то объединена.

– Кто-нибудь думал тогда о том, чтобы стать профессиональным музыкантом?

– Такие планы появились позже, когда я уже ушел. Я ушел как раз в тот момент, когда понял, что назревает решение: либо заниматься работой, либо только музыкой, потому что это очень много времени стало отнимать – и репетиции, и какие-то поездки... Соответственно, бросить все остальное.

– И кто тебя заменил на барабанах?

– Капитановский Макс.

– Вы с ним были знакомы?

– Они репетировали там же, «Удачное приобретение». Мы, в общем, давно были знакомы. Все знали друг друга.

Еще какие-то пионеры там играли с нами, местные, «энергетики». Мы сами ведь к энергетике не имели отношения. Как вообще мы там оказались, я не помню.

– А разве Градский имел?

– Градский не имел никакого отношения! Там, видимо, был директор – позитивный человек, Михаил Михайлович.

– Первое поколение ведущих московских групп, это, конечно же, и «Сокола», и «Скифы»...

– Ходили, слушали. Но была странная штука, «Скоморохи» ведь тоже пели несколько песен своих на русском. То есть там и сама песня «Скоморохи» была, и «Синий лес до небес»... Но чего-то не хватало, чего-то не получалось. Мне кажется, что у Макаревича у первого начало легко получаться накладывать, просто связать русский язык с БИтом, – тогда говорили бит, между прочим, не рок. И это получилось естественно, органично. Одна из первых песен была – «Дом». «Где-то в лесу дремучем...». Я помню, Градский ее просил. Не дали. «Отдайте!». Мы сказали: «Извини, нет».

И играть было легко, и стучать можно было громко! И хорошо ложилось. Это ни у кого не получалось. Это был бит, безусловно бит, и легко ложился русский текст.

То есть какой-то должен быть прорыв наступить.

Это сейчас ясно, что любую песню, – как Гарик сыграл «Я милого узнаю по походке», – любой текст прекрасно ляжет в этот самый бит. Надо только понимать, что это другой бит... Не такой как *She loves you* (одна из пяти песен The Beatles, которые в апреле 1964 года одновременно занимали пять верхних строчек в американском национальном хит-параде – *Е.Д.*), а немножко другой, кондовый такой, тяжелый. Ну, чуть изменить. Мне кажется, у Макаревича все-таки это у первого получилось. Потому что все остальные пытались взять схему и попытаться ее перевести. И не получалось! Потому что русские слова не влезают туда.

Капитановский очевидным образом пародирует обложку альбома Ram Пола Маккартни

– В трактовке Евгения Маргулиса»:

«В то время на безрыбье надо было кому-то стать первым. Вот Макаревич и стал. Из всех телеящиков страны тогда совсем другая музыка звучала, а когда люди слышали его – их кольнуло».

И если ты понял, что это, в принципе, прорыв, почему ты ушел?

– Я ушел, потому что у меня сил не хватало. То есть нужно было уже играть профессионально, любительский уровень заканчивался. Какое-то время можно было играть вот так вот, лагаясь, и ничего, проходило. А дальше нужно было переходить уже на другой уровень.

– Изначально было понятно, что Андрей – лидер? Или у них с Кавагое, как гласит мифология, были партнерские отношения, и не было понятно, кто, собственно, номер один?

– Да нет, диктаторства со стороны Макаревича не было. Все-таки решалось коллегиально.

– А ты помнишь момент, когда появился Кутиков?

– Помню. Это когда нашего первого басиста, Мазеева Игоря, забрали в армию. Он тоже был нашим с Макаревичем одноклассником.

– Кутиков уже сочинял тогда?

– Предлагал какие-то мелодические ходы, а слова всегда писал Андрей.

– А ты пробовал сочинять?

– Я не сумел... Однажды он принес мелодию, сыграл, а я вдохновился, думаю: дай-ка я сочиню на нее слова... Я пыжился-пыжился и ничего не сочинил. Какую-то белиберду, даже не помню. Ну, короче, у меня не получилось. Это не так просто!

– Маргулис – познакомились при каких обстоятельствах?

– Я помню, как Макар привел его ко мне в гости, в дом.

– А, то есть вы с Андреем продолжали общаться все это время?

– Конечно, мы же не ссорились. Я помню, что о своем уходе я написал письмо, где это как-то обосновывал...

– Андрею?

– Группе. И на очередной репетиции, когда она закончилась, я сказал: «Вот я уйду, а вы задержитесь, у меня для вас важное послание». И отдал это на чтение.

– Это стало для всех сюрпризом?

– Сюрпризом.

– То есть к этому не шло?

– Нет, не шло. Но я почувствовал, что надо уходить, потому что я играл слабо очень.

– Самокритично.

– Еще бы, когда рядом репетирует такой человек, как Фокин! Кто рядом с ним будет не слабо играть? А я вообще играл слабо.

– Возвращаясь к Маргулису...

– Это мы уже были в институте. Просто пришли ко мне домой, вдвоем, чтобы познакомиться. Маргулис очень хороший музыкант. И мне очень нравится все, что они делают, как он поет. Да и вообще он хороший.

И Кавагое был хорошим музыкантом. Но у Кавагое очень вздорный характер. В группе все-таки есть лидер, хоть Макаревич все время говорит, что «у нас демократия в группе». Но это как бы дань традиции такая.

Кавагое любил спорить, доказывать, «я предлагаю – лучше!».

– Спорить именно по профессии, в рамках музыки?

– И по другим делам: куда ехать, что играть... Стоит или не стоит там выступать... но это уже после меня началось... такие течения... У нас вопрос, стоит или не стоит выступать, не стоял. Платят 60 рублей – значит, стоит выступать.

– На команду 60 за выступление?

– На команду, в какой-то школе на выпускном сыграть. Почему не стоит? Конечно, стоит. Купим новую колонку.

– Знаю, что Вадим Григорьевич Макаревич очень сочувствовал делу «машинистов», помогал, привозил технику. А родители остальных, твои родители как-то принимали участие?

– Мои родители – нет. Мои были против, но позволяли нам репетировать, когда их не было. Дома у меня.

– Это где?

– Серафимовича, 2. «Дом на Набережной». Там достаточно мощная звукоизоляция. Ну и соседи своеобразные, которые не придут со скандалом и участкового не будут вызывать: старой закалки.

– Расскажи о своих родителях.

– Это отдельная тема.

Конечно, они были против. Матушка моя не верила в это, она, как профессиональный музыкант, говорила: «Вы все слухачи; у вас нет школы, что вы можете вообще сделать?» Но у нас-то перед глазами были другие примеры. Были «Битлы», «Роллинги», которые тоже были все «слухачами». И вообще кто там профессионалом тогда был, кроме Градского?

И отец как-то всерьез это не воспринимал.

К «хаерам» были претензии, и меня периодически гоняли стричься.

– Да. Это было чувствительное наказание. А идеологический аспект рок-музыки обсуждался? Влияние Запада...

– Такого не было. А потом мы могли ведь, что и делали, когда играли на свадьбах, например, исполнять «Ой, при лужку, при луне», «Чайки за кормой» или «Полюшко-поле», мы это все умели и в нужный момент исполняли.

– Расскажи про маршала авиации Ивана Ивановича Борзова.

– Отец был командующим авиации ВМФ. Всю жизнь был связан с авиацией и с флотом.

В войну был сначала на бомбардировщиках тяжелых, на ТБ: (первый в мире серийный цельнометаллический двухмоторный бомбардировщик – *Е.Д.*), а потом на торпедоносцах.

«Ты помнишь, как все начиналось. Все было впервые и вновь»

– Репрессии вашу семью не коснулись ни в каких поколениях?

– Репрессии коснулись всех в той или иной степени. Но моих родителей – напрямую нет.

Но, скажем, бабушка моя с мамой уехали с Кубани... Потому что там сказали: «Михайловна, давай-ка, собирайся, уезжай, ты на очереди». Она рано мужа потеряла и занималась каким-то своим «бизнесом»: чего-то шила, чего-то еще делала, приторговывала...

И отца в 1942 году исключили из партии, это был серьезный момент. Это был очень серьезный момент: красного командира исключить из армии, летчика! Он тогда был, по-моему, старшим лейтенантом или капитаном. Ну, потом восстановили, потому что летчиков, навер-

ное, было мало. А он настоящий был летчик, его сбивали два раза, и он оба раза переходил линию фронта.

– А было влияние отца одной из причин, по которой ты оставил занятие музыкой?

– Думаю, нет.

А вот в том, что я к хиппи относился очень сдержанно, и не увлекали они меня, – конечно, было. Потому что военные гены, конечно, во мне сидят.

– Но у Андрея Вадимовича тоже папа был фронтовик, потерял ногу на войне и, тем не менее...

– Он не был военным, это разные вещи!

У Андрея Вадимовича папа был необыкновенно талантливый человек во всех областях.

Я уже говорил, что он меня научил за полтора месяца рисовать все эти гипсовые головы именно так, как требуется. Обучил академическому рисунку. Поставил мне руку, глаз, все это... Едва к экзаменам успели. Люди занимаются, ходят на курсы год, два, три, а Вадим Григорьевич всему меня наспех обучил, очень быстро. И я ему необыкновенно благодарен. До сих пор, когда беру в руки перо, какой-то частью головы вспоминаю его.

Он играл замечательно сам. Был самоучкой, но играл виртуозно джазовые композиции, мог импровизировать как угодно.

– Когда не стало твоего папы?

– В 1974 году.

– На 22 года раньше, чем отца Макаревича, то есть он не застал звездную эпоху «Машины времени»? А мама?

– А мама застала, конечно.

– То есть она видела подъем «Машины времени», когда они реально стали легендарной командой? Удивлялась?

– Да нет, особенно не удивлялась...

Там же было очень строгое деление. Был вокально-инструментальный цех. И это был не ее цех. Она занималась вокалистами, одиночками.

– Там, в своей усадьбе, ты, наверное, мало общаешься с людьми?

– Чтобы вот так сидеть, как сейчас и два часа чего-то обсуждать – нет.

– Ведь ты застал первое музицирование Андрея с кем-то еще из твоих друзей, вы пели Высоцкого, да? Тогда, в 60-е годы были очень популярны барды, – Окуджава, Галич...

– Галича тогда мы не слышали. Были какие-то песни Визбора, Кима... Все, что писалось на магнитофон. Галич почему-то не присутствовал тогда.

– Ну, и у Кима были тогда песни-протесты, которые можно было бы отнести к антисоветским. Вы пели песни протеста, американские песни протеста. А протестные отношения в вашей компании существовали? По отношению к советской власти и идеологии?

– Конечно, существовали, умеренно. Прежде всего в чем? Нам не нравилось, что зажимают «битлов» и «роллингов». Почему они к нам не приезжают? На этом уровне, в общем-то, было.

Нельзя того, нельзя сего.

– Ввод войск в Чехословакию, это прошло мимо?

– Мы еще были маленькими, это был 1968 год. Да я и сейчас, честно говоря, у меня нет однозначного отношения к этому.

– А к тому, что происходит в Крыму – есть?

– Крым – наш.

Я скажу сразу, чтобы не было путаницы: мы с Макаревичем хоть и друзья, но у нас политические взгляды немножко расходятся, градусов на 180. Крым наш и во веки веков.

– На твоего экс-одноклассника и старого друга за его позицию наехала новая российская власть. Ты как к этому относишься?

– Я не верю в то, что на него власть наезжала. То, что он поссорился с частью общества, – это нормально, естественно. В обществе всегда есть деление: кто-то за, кто-то против. Если, допустим, я говорю глупость какую-то, с меня спрос небольшой. А человеку публичному надо, конечно, быть осторожнее с высказываниями некоторыми, которые звучат обидно. Даже и для меня некоторые его высказывания...

Для меня история моего народа – очень болезненная и родная тема. Тема моего сердца. Все, что было с моей страной, – очень серьезная и тяжелая тема. Здесь нужно взвешивать каждое слово. А брякнуть что-то неосторожное, сгоряча...

Редкий человек не говорит глупостей. Таких людей не бывает. Я, например, практически не видел людей, которые бы когда-либо не сказали какую-нибудь глупость.

Наш государь Владимир Владимирович никогда не говорит глупостей и всегда отвечает за каждое свое слово. Ну, батюшки некоторые, священники, с которыми я общаюсь, могут сказать...

– Кстати, Сталин тоже не говорил глупостей?

– Я не следил за высказываниями Сталина и не могу о них судить. А современные выступления я, конечно, отслеживаю все. И очень внимательно слушаю.

– Все рок-музыканты легендарные занимают такую же позицию, как Макаревич.

– Не думаю, что такую же и все.

Многие стесняются. Это болезнь русской интеллигенции. Всегда быть в оппозиции к своему правительству. Древняя такая, застарелая болезнь... Я помню, как и государя-императора называли Николкой, полковничком; считалось хорошим тоном размахивать этими красными бантами! После Цусимского сражения японскому императору отправили поздравительное письмо, собрали огромное количество подписей. И сейчас бывает, частенько слышатся злорадные нотки по поводу падения самолета или еще какой-то нашей беды. Продвинутая интеллигенция испражняется в эпитетах – «путинская мразь», «путиноиды, суки», «гореть вам в аду»!

Юрий Борзов в августе 2018 года в галерее «Роза Азора» на своей выставке

Я не хожу в этот самый Фэйбсук, я туда залез раз случайно, увидел эту помойку, которая тянется километрами, и думаю: все эти люди считают себя интеллигентными? Они Чехова читали? Вот эти вот, которые «да чтоб ты там, такой-сякой»...

В Крыму у меня тоже есть знакомые копатели, поисковики, я был в местах, где землю берешь, встряхиваешь, и у тебя остается в руках горсть стреляных гильз, поэтому для меня вопроса, чей он, – никаких сомнений не вызывает.

Я же говорю, я отработал свою специальность, я столько взорвал этих снарядов, гранат, мин. Мы с моими ребятами...

– И захоронения делаете?

– Обязательно! На моей земле я поставил часовню в честь Георгия Победоносца. И у нее пристройка – костница, мои знакомые хорошие находят во время раскопок останки солдатские и свозят их туда... А начинали мы с того, что ставили кресты, выбирали сами место, где будет братская могила... Мы (поисковая группа «Братство святого Георгия» – Е.Д.) ни у кого не спрашивали разрешения. Потом власти волей-неволей регистрировали, ставили памятники. Нам никто не разрешал этим заниматься.

– Ну и финальный вопрос. Любимые песни «Машины времени»?

– Их много, в общем-то, если в памяти покопаться.

Обидно, что Макаревич в последнее время пишет какие-то сатирические частушки, которые неловко слушать. Я ему об этом прямо говорю: «Андрей Вадимович, это на уровне Вашуква и Бандурина».

Но так вот... «Картонные крылья», «Эпоха большой нелюбви», «Синяя птица» и «Разговор в поезде», – их очень много. Много замечательных, хороших песен. Дай Бог и дальше!

PS. КОММЕНТАРИЙ АЛЕКСАНДРА ГРАДСКОГО.

Попросил Александра Борисовича прокомментировать эпизод с песней, которую он просил у «машинистов» для «Скоморохов»; отповедь в жесткой стилистике Градского образца 70-х годов:

«Я не помню, как выглядит Борзов. Я его вообще не видел, по-моему, никогда. В составе «Машины времени», на моей памяти, Борзова не было. Они к тому времени, уже к 70-му году, составили другой состав. Борзов играть не умел на барабанах, его выперли сразу, взяли Капитановского. А потом Капитановского выперли, взяли Кавагое. При мне Капитановский стал звукорежиссером. Макс Капитановский плохо играл, но был хороший парень. И при мне Макса заменили на Кавагое, потому что у Кавагое был папаша, который барабаны чинил, усилители. Вот усилитель, который я у Макаревича брал постоянно на концерты, “Аэстон” так называемый, я у него одалживал, потому что гитара звучала круто. Это тоже принес папаша кавагоевский. А потом я сам купил себе свой “Аэстон”, только хуже немножко, но звучал он тоже нормально.

Если бы не Кавагое, у него бы его никогда не было, а это “Vox”: черные клавиши на красном фоне или красные на черном. Две клавиатуры.

У них его украли, кстати. Они аппаратуру разгружали в каком-то доме, приехали куда-то на квартиру. Не успели глазом моргнуть, как кто-то украл орган. Какой-то человек зашел в подъезд, пока они таскали, и его украл. Это было горе. Они начали на Грачева все валить, что Грачев кражу организовал...

А про песню... Но это ужас, – я ее просил?! У нас хитов было 8 штук. Лермана были хиты, Шахназарова песни. Было 10 примерно вещей в репертуаре на русском языке, отделение целое. Какие это песни? “Чего-то не хватало, чего-то не получалось”, – Борзов говорит. Чего-то не хватало, и до сих пор продается?!».

PPS. КОММЕНТАРИЙ КОММЕНТАРИЯ ОТ АНДРЕЯ МАКАРЕВИЧА:

«Х.....я в КАЖДОЙ ФРАЗЕ.

Борзова никто не выпирал – он ушел сам, чувствуя свое несовершенство (мы очень не хотели, чтобы он уходил).

Капитановского никто не “выпирал” – его забрали в армию. Играл он по тем временам крутейше.

Папа Кавагое никакого отношения к ремонту барабанов и усилителей не имел».

Рыженко Сергей. Интервью 2018 года

Его называют «Первой скрипкой советского рока». Легендарный патриарх отечественного панк-арт-движения, который играл не только в «Машине времени», но и во всей рок-линейке поучаствовал: «Аквариум», «Алиса», «Браво», «Вежливый отказ», DDT, «Звуки Му». Ну, и основал «Футбол». Это Сергей «Рыжий» РЫЖЕНКО.

– Я не ошибаюсь, твой «Футбол» – первая панк-команда у нас?

– Да, в 1982-м году так сказали на «Голосе Америки», тогда все «Голос Америки» слушали. И там официально объявили, что основоположники советского панк-рока – Андрей Панов, «Автоматические удовлетворители» из Питера и Сергей Рыженко – «Футбол», Москва.

– И у «Футбола» при этом всего один студийный альбом?

– Он так и назывался «Футбол». И то я его тогда не выпустил по ряду обстоятельств.

– То есть он только на магнитных носителях, на кассетах расхотелся?

– Даже не расхотелся, я запретил. Потому что было качество записи очень фиговое, мы записывались здесь неподалеку, на квартире, на магнитофон «Ростов». И все было очень весело, писали хорошо, на записи «Свинья» кстати, присутствовал, небезызвестный Панов, все было с большим драйвом. Но оказалось, что я задувал микрофон. Переписать не было возможности, потому что человек уехал куда-то, в какую-то экспедицию, потом басиста забрали в армию: Шорохов ушел служить в Афганистан. А я пошел через некоторое время играть в «Машину времени». Вот и все.

– Я в «Википедии» посмотрел твою дискографию, следующий альбом, после «Футбола», совместно с Макаревичем – «Песни под гитару». Что за проект, просто вы записали тандемом?

– Если честно, я даже и не вспомню сейчас, и Макаревич не вспомнит. Может быть, это фейк какой-то, а может быть, просто собрали из того, что мы вместе где-то музицировали.

* * *

– Севастополь, место рождения? Крым – точка раскола в рок-среде, рок-музыканты в Крым не ездят. Некоторые боятся потерять гражданство американское, другие – потерять киевские гастроли. Я так понимаю, что Рыженко не гастролирует на Украине и гражданства Соединенных Штатов Америки у него тоже нет?

– Да, не гастролирую, хоть я по происхождению хохол. Впрочем, это слово сейчас запрещено. Но я почему-то его употребляю и даже им горжусь. Никогда ничего обидного в нем не было, в отличие от кацапа. Когда впервые после Переяславской Рады войска соединились и пришли стрельцы, они на одном берегу реки стали, а на другом стали казаки запорожские. Друг на друга посмотрели и увидели бойцов с оселедцами. Оселедец – это селедка такая, чуб, чупрын на голове у казаков: о, смотри, хохлы. То есть из-за этих хохолков. А эти, увидев бородатых мужиков, сказали: дивись, як кацапы, то есть как козлы. То есть слово «кацап» довольно обидное, в отличие от слова «хохол».

– Про Крым. Липницкий мне сказал, что у тебя папа моряк.

– Да, капитан II ранга.

Родители у меня такие, легендарно обыкновенные. Папа воевал, и мама прошла фронтовой медсестрой госпитальной всю войну – с 22 июня 1941 года до победы над Японией в 1945.

Они поженились во время войны, в 1943 году в Архангельске, в Соломбале. Мама работала там в госпитале. Кстати, у нее был чудесный голос, самородок, она пела с оперными певцами. Ей говорили: «Варенька, вам только на сцену, в консерваторию». Но она встретила отца, который был весь из себя молодой офицер флотский, решила, что будет лучше замужем за

будущим адмиралом. После войны их на Камчатку на 7 лет отправили, и все консерватории мамины на этом закончились.

– Отец родом из Севастополя?

– Нет, папа закончил академию в Ленинграде перед войной, войну прошел на Северном флоте в гидрографии. Гидрография – это морская география, а гидрография военная, это все эти минные поля, фарватеры, маяки и куча прочего, вся инфраструктура берегов и навигации, все туда входит, в гидрографию.

Потом, после Камчатки, отцу предложили на выбор: либо Ленинград, либо Севастополь. Ну, они намерзлись (на Северном флоте, потом на Тихоокеанском), поэтому поехали в Крым греться. И стал я севастопольский. А так бы, наверное, был бы питерский.

В Севастополе они и похоронены, там мой старший брат живет.

– Чем брат занимается?

– Брат у меня глубоко на пенсии (он на 10 лет меня старше), а так – был филолог.

– К музыке никакого отношения не имел?

– В детстве его пытались учить на аккордеоне. Как мальчик послушный, в отличие от меня, он пытался заниматься, но родители вовремя оставили эти безуспешные попытки.

Меня же по определению засунули сначала в хор. Там быстро обнаружили абсолютный слух и сказали: ну, ему надо на скрипочку, конечно. Я пошел в музыкальную школу № 1, к замечательному педагогу попал, она действительно одна из лучших крымских педагогов, хотя сейчас уже на пенсии: ее выпускники в основном московскую консерваторию закончили.

В 1972 году, в неполные свои 16 лет я поступил в Гнесинское училище по классу скрипки. И так собственно и занимался классической музыкой, поглядывая свысока на все околмузыкальное. Пока ко мне не пришли ребята из «Последнего шанса», Володя Щукин и Саша Самойлов. В 1975-м году они искали музыканта, который умеет импровизировать и Аркадий Шилклопер небезызвестный, который тогда тоже учился в Гнесинке (только открыли джазовое отделение), сказал им, что единственный, кто импровизирует на скрипке, – Сережа Рыженко.

Мы тут же сыграли инструментальную композицию «На щемящей ноте», которой потом открывали концерты.

«Последний шанс» – это был уникальный коллектив, театрализованный. Ну, страшно любила вся московская богема эту группу. И Белла Ахмадулина, и прочие все всегда приходили на наши концерты. То есть мы в лучах междусобойской славы замечательно купались.

Каждая песня как крохотный мини-спектакль, с движением, с пластикой и прочей такой ерундой. Исполняли якобы детские песенки, но во взрослой упаковке, с двойным дном.

– Насчет мини-спектаклей. Я с Липницким когда общался на тему «Машины времени», спросил: “Саша, зачем они взяли Рыженко тогда?” И он мне объяснил: им нужен был шоумен а ля Петя Подгородецкий. Слышал такую версию?

– Да. С «Машиной» мы познакомились на такой тусовке квартирной, салон был у одной из бывших жен Михалкова-Кончаловского, в доме на Грузинской. Там была и Ахмадулина с Мессерером, и Аксенов Василий, весь плэйбой из себя, в джинсовый куртке замечательной, ну и Макар пришел, а мы («Последний шанс» – Е.Д.) играли.

Мы тогда с Макаревичем сдружились, а он как раз запись делал для спектакля «Стеклянный зверинец» в ТЮЗе и предложил мне с ним сыграть на скрипочке немножко, что я и сделал, кажется.

Сценические экзерсисы Рыженко должны были заполнить валентность Подгорецкого

Потом пересекались на общих тусовках. У того же Саши Липницкого однажды, у него тогда было тоже самое тусовочное место в Москве, потому что, когда приезжал «Аквариум», у него останавливался. У Саши у одного из первых появился видеомэгнитофон в Москве,

и мы естественно смотрели эти фильмы – «Герои рок-н-ролла», «Blues Brothers» наш был культовый фильм, им всегда заканчивали просмотры. Дня на три мы там зависали, пока «Аквариум» играл какой-нибудь андеграундный концерт. Я жил недалеко, на Арбате, мы все это дело соединяли с бесконечной радостью общения, сопряженной с умеренным выпиванием спиртных напитков.

Затем ушел из «Машины» Подгородецкий. Ну, или – ушли Петю. Я говорю: «Андрюша, может быть, все-таки поиграем вместе?» Он говорит: «Давай попробуем». Как раз сидели на репетиционном периоде в «Туристе», в крохотной камерке. Мы попробовали, получилось.

В «Машине» я играл на всем: на акустической гитаре 12-струнке, на скрипке, на флейте, на percussion всяких. И еще всякая такая сценическая хрень, разбавляющая некоторую, скажем так, малоподвижность остальных исполнителей, сосредоточенных на музыке – я был динамической составляющей.

И вот я еду на очередную нашу репетицию, ко мне прибегает Вова Кузьмин, говорит: «О, здорово, слушай, давно хотел вместе с тобой поиграть, замутим что-нибудь, я же тоже на скрипке играю, давай в два смычка». Я объясняю: «Извини, я только-только договорился с Андреем Макаревичем, сейчас с “Машиной” играем». Володя: “Ах, черт!” И ушел. Я Макару рассказываю, такая история. Андрей отвечает: «Бедный Кузя, всегда опаздывает».

У каждого своя дорога. Владимир Кузьмин, считаю, лучший мультиинструменталист всех времен и народов. Хотя меня «Звуковая дорожка» в 1982-м году и назвала лучшим мульти-инструменталистом года. Но я считаю, что Кузя гораздо лучший мульти-инструменталист, чем я, ведь он еще и на саксофоне умеет.

А я много раз пытался на саксофоне научиться и даже выпросил когда-то, еще в гнесинской общаге у одной саксофонистки саксофон. Она мне дала, хотя очень не любят духовики инструменты давать. В общем, я час пытался сыграть «Песнь моя летит с мольбою тихо в час ночной». И вдруг от удара ноги толчком дверь распахивается. Вбегает страшного вида саксофонист известный, такое у него лицо было сильно изрытое оспой, и бороденка козловая, не козловская, а именно козловая. Орет: «Вот ты (выхватил у меня саксофон) никогда, никогда больше в жизни не бери эту вещь в руки». И я свято соблюдал по жизни этот завет. Я никогда больше не пытался этого делать с саксофоном. Это вещь действительно сложная.

– Ты следил за «Машиной времени» после своего ухода или занимался своими делами и не отслеживал?

– Нет, я в подворотнях не стоял, не ловил взгляды.

– Тебя не удивил приход Державина?

– Удивил. Мне кажется, что это тот же вариант «Полковник»-2, понимаешь, получился. Человек есть на своем месте и хорошо.

– Айдер Муждабаев, очень известный журналист, я его знаю по «Московскому комсомольцу», мы сотрудничали, написал: «Поздравляю “Машину времени”, они “избавились от русскомирного дурачка”, давно пора, ждем группу на Украине» и так далее. Уход Державина мог быть идеологически мотивированным, из-за ситуации на Украине?

– Вполне. Люди дошли до такой глупости, что выясняют политические отношения на творческой почве. Я считаю, это полный идиотизм.

А по поводу Крыма, поскольку это мое родное место... Там и могилы предков, и все лето я всегда провожу в Крыму и не скрываю этого. Детей купаю в море. Иногда что-то играю, периодически, иногда вылетаю куда-то что-то сыграть. Живу на два дома: Москва зимой, летом Крым.

Когда вся эта хрень произошла в 2014-м году внезапная, данный вопрос, естественно, стал лакмусовой бумажкой. И вот прихожу я в «Петрович», в котором я уже 20 лет на скрипочке по субботам шпиляю, «Орлуша» (поэт Андрей Орлов – Е.Д.) сидит там в компании любезных моих старинных дружков: и Сережа Цигаль там, и Андрей Бильжо, естественно.

И «Орлуша» своим ехидным голосом спрашивает: «Ну что, Сережа, Крым наш?» И весь стол естественно замирает, глядя на меня. Я говорю: «Знаете что, пионэры, идите вы, куда вас Раневская посылала».

– В жопу. Надо называть вещи своими именами.

– Но ты же предупредил, что без мата.

– Это не мат.

– Ну мало ли.

Потому что, говорю, я считаю, что Крым мой, я там родился, там вырос. И кто там родился или вырос, прикипел к нему, вот того и Крым. Вот Сережи Цигалья, он же «коктебельский». Да, Сережа? «Да», – говорит Цигаль, который страшно рыдал, когда это все произошло, естественно.

А остальные, пожалуйста, к нам в гости, ребята, приезжайте.

Я вообще считаю, что это дело личное. У тебя есть какое-то место в сердце, и ты можешь его посещать. А какие-то решения государственные, которые принимаются, и разделение людей на белых, красных, мне глубоко отвратительно.

Недавно я наконец-то сформулировал свое отношение к этому крымскому вопросу. Самая большая несправедливость в отношении Российской Федерации была осуществлена в 1954-м году, когда Крым, не спросивши его населения, Никита Сергеевич Хрущев передал в состав Украины. И вторая несправедливость произошла по отношению к Украине, суверенному государству, в 2014-м году, когда полуостров взяли и вернули обратно. То есть две таких несправедливости произошли. И если бы не случилось тогда несправедливость, не произошла бы и следующая.

Безусловно, Крым ментально никогда к Украине не прилежал. И я давно, еще до всей этой истории, до 2014-го года сформулировал: язык от Киева ответит. Потому что языковой вопрос, – то, что и раскололо. Ментально там долго терпели, конечно, то, что детей заставляют учить рідну мову.

Вот почему у нас в обществе такая конфронтация – ну, это как в семье, понимаешь, да? Главные претензии к кому? К родителям у детей. «А почему вот вы меня не родили более талантливым, удачным, успешным и прочее, где миллионы мне в наследство?». Здесь то же самое. Инфантилизм нации, на мой взгляд, он в каждом из нас. И я не говорю, что я – другой. Во мне наоборот все это еще более концентрированно.

Но вопроса о принадлежности Крыма, а уж тем более Севастополя – никогда не было...

– А как тебе эта история, когда Борис Борисович Гребенщиков с Михаилом Николаевичем Саакашвили фотографировался?

– А почему нет? Я могу и с жирафом сфотографироваться! Надо было сказать: «Я с вами срать рядом не сяду»? Или взять и публично ударить его по лицу?

С другой стороны, мы же все не знаем про Мишу, понимаешь? Ну, с одной стороны ясно, что он засланный казачок, как и вся эта псевдоукраинская свора, которая сейчас в Киеве сидит. И без всяких там конспирологических версий, что все это делается на деньги Госдепа и по приказу Госдепа. Но, с другой стороны, однозначно о нем сказать, что черного цвета тоже нельзя. Потом он просто смешной! Кроме того, видно, что он любит рок-музыку, как многие люди того поколения, на ней явно рос. И явно был ею сформирован.

Но что такое рок-музыка? Рок-музыка – это свобода в чистом виде. А что такое свобода? Все забыли, свобода по латыни – «либеро». А у нас слово «либералы» – синоним слова «пидорасы». Не смейся.

На самом деле, это человек, который хочет, может и умеет быть свободным, хотя бы пытается им быть. И от других тоже этого хочет. Но самое страшное – люди в основной своей массе не хотят быть свободными. И это тоже их право, честно говоря. Не хочется тебе быть свободным, – не будь. Кто-то любит ходить строем, а я с детства ненавижу.

Свобода – это же не какая-то вещь, данная тебе объективно. Да, есть страны, в той же Западной Европе, которые 200 лет шли к ней, пробираясь через революции, а мы благополучно это дело пересидели. И у нас совсем другая история, совсем другой цивилизационный процесс.

– Я тоже считаю, что мы в большей степени азиаты, чем...

– Да! Абсолютно! Просто даже по территории!

На Западе они этого не понимают. Начиная от православия. Извините, это даже не католицизм, не говоря уже о протестантизме. Я сам 15 лет пою в храме и сейчас продолжаю петь, мне это доставляет удовольствие. Одно другому не мешает. Но оно очень близко, даже по степени строгости, к тому же исламу. Поэтому даже муллы говорят, когда идут их прихожане в армию: «Если муллы нет, иди к священнику». Только не оставайся без окормления, чтобы с резьбы не слететь.

Кстати, интересная мысль мне сегодня пришла в голову по поводу синдрома Раскольникова «А Раскольников-то почему это сделал?», – подумал я. Потому что не читал «Преступление и наказание»! Если бы Раскольников прочитал «Преступление и наказание», он бы бабушку топором не грохнул!

А сейчас перестали читать. Сейчас просто перестали читать.

– Нет, они читают в сети что-то, у них какие-то другие навыки...

– Нет, они читают что-то свое, но вот эту базовую литературу, которую неприятно читать... Ведь Достоевского неприятно читать, он очень тяжелый! Он очень тяжел. Всю душу наизнанку... Напильником просто.... Неприятное занятие – чтение Достоевского, но я прошел через это в каком-то постюношеском периоде. В школе не надо этим заниматься, – по-настоящему я это читал позже.

Они же в школе просто не формируют никаких нравственных маяков, вот в чем дело. Ну, плюс, конечно, революцию эту пережить, крах страны пережить. Естественно, все общество искорежено...

Я помню, – это в воздухе висело, – когда я у того же «Липы» (Александр Липницкий – Е.Д.) спрашивал: «Саш, а ты чувствуешь, что все это вот-вот рухнет?» У всякого поэта ведь есть предчувствие. Он спрашивает: «Ты думаешь?» Отвечаю: «Я уверен». Знаешь, когда я в первый раз сказал? Когда войска ввели в Афган, еще в 1979 году я сказал: «Конец стране». Потому что я немножко знаю историю. Англичане, которые четверть мира покорили, они из Афгана унесли ноги еле-еле с позором! Просто отказавшись туда соваться раз и навсегда.

– Нет, эту систему надо было ломать, но здесь, пойми...

– Но не так, но не так же! Понимаешь, не путем тотального воровства и обнищания всего народа!

Эти сидели, потому что думали, что так будет всегда и что эта конструкция вечная. Там просто недоглядели, кондовое преподавание патриотизма наоборот отталкивало людей от него. Вся система эта подавления молодежи... Естественно, зрел протест. Система сама себя изнутри изъела просто, все среднее звено прогнило.

Я считаю, что если государство устроено так, что у него нет системы самосохранения, которая есть в Америке, значит, это государство обречено. Потому что в том государстве, где все сбалансированно, там система сама себя выравнивает и не даст себя уничтожить. У нас этого нет, у нас постоянно должен быть какой-то вождь.

Потом, мы же не замечаем перемен! Мы не замечаем, все же происходит постепенно. Мы читаем «Хождение по мукам» или «Тихий дон», страшные времена, а как это проживал обыватель в массе своей? Ну, где-то там на периферии. Да никак, в основном! Особенно в каких-то мелких городках провинциальных или в деревнях. Все там прокатилось мимо и ничего особо не поменялось. Люди там хлеб растили, детей воспитывали, давали уроки, какую-то одежду шили. Более-менее. Когда на все эти социальные потрясения смотришь ретроспективно, думаешь: ужас. А когда ты в них пребываешь, часто бывает, что они незаметны.

Люди привыкли, что сейчас у каждого в семье есть иномарка, а ты скажи кому-нибудь, там, в 80-е годы, что у тебя «Мерседес» будет?

Я помню, Миша Горбачев приехал на еще даже не на шестисотом, на пятисотом «Мерседесе», все выбежали смотреть, заглядывать под капот, «ой, какая машина». Люди ведь к хорошему привыкают быстро...

– Раньше если у тебя были джинсы, ты уже был золотой молодежью. Сережа, сейчас я не знаю, сколько у меня джинсов. Вот сколько у тебя джинсов?

– Я не знаю даже, где они у меня лежат! Я открываю шкаф, а там джинсы... А меня в свое время из-за этих джинсов чуть не выгнали из училища, причем я был...

– Из Гнесинского?

– Да. Причем я же был совершенно чистый лист такой, *tabula rasa*. Это был 1972-й год. Моему однокурснику кто-то прислал джинсы из-за «бугра» и он говорит: «Слушай, у меня сейчас нет времени, пойдешь продай». Представляешь, какая подстава? Спрашиваю: «А куда продать, че?». Он говорит: «Да вот там, на “Беговой”, прямо на платформе. Ну, выйдешь там, за 120 рублей продашь. 20 себе заберешь». Плохо, что ли?

У меня тогда 30 рублей была стипендия в училище. Думаю: «Ну, хорошо». И пошел. Ко мне тут же подошел человек, мгновенно. Я от него тут же побежал, а бегал я очень хорошо. Но я не знал, что там их много. Я к метро подбегаю, – ко мне наперерез и в бедро коленом, я тут и рухнул. Ну, меня в ментовку отвезли, еще пару раз пнули по ребрам. Я там пять часов рыдал. Мальчик, только-только 16 лет стукнуло. Слава Богу, потом сжалились, говорят: «Все, сейчас протокол напишем. У тебя есть какие-то родственники?». Я говорю: «Да, у меня брат тут двоюродный – полковник инженерно-десантных войск, адъютант маршала». Говорят: «Чего ты молчал, звони ему немедленно». Приехал брат, поговорил с ними две минуты, вышел: «Ты с ума сошел? Это называется спекуляция. А друга своего больше никогда близко не подпускай к себе». Вот такая жизнь.

– Да и рок-музыку не разрешали слушать.

– Это был ужас! Когда открылась рок-лаборатория, меня страшно стали туда затаскивать, а я никуда не затаскиваюсь обычно, а тут – ладно. Липницкий мне говорит: «Надо, Серега, давай». Я и пошел. Потом мне звонят, говорят: «Тексты на литовку приноси». Отпечатываю эти тексты, приношу их. Мне: «Да ты с ума сошел, это в жизни тебе не залитуют, ты что, тут в каждой строчке не пойми чего. Иди, переделывай».

Я, как идиот, три дня сидел, переделывал каждое слово... Но я же умный, я подписался фамилией мамы – Змиевский. Принес эти 22 текста. Из 22 текстов залитовали как ты думаешь сколько? Один. Причем я его тоже переделал, назывался он «Северные цветы», там слова такие: «Из мест довольно отдаленных вернулся ты спустя 5 лет и вспоминаешь восхищенно сиянья северного свет. Ах, сколько раз за те 5 лет ты видел в небе...». В стиле «Машины времени», а-ля Подгородецкий. «Но над собою видел севера цветы. Если их увидел ты, то даже блеск огней Москвы затмить не может этой дивной красоты». Какая-то ерунда! Вот я переделал только две первых строчки: «С ударной стройки отдаленной вернулся ты, сказал “привет”». А дальше ни одной строчки не поменял! Было: «Из мест довольно отдаленных» – ясно, человек в лагерях 5 лет отсидел!

Но это какое-то самооскопление, вот так сидеть, переделывать песни...

– Макара попрекают за то, что он в «Поезде» строчки поменял...

– Да, было:

*«Вагонные споры – последнее дело,
Когда больше нечего пить.
Но поезд идет, бутылка опустела,
И тянет поговорить».*

А стало:

*«Вагонные споры – последнее дело,
И каши из них не сварить.
Но поезд идет, в окошке стемнело,
И тянет поговорить».*

Все же едут и бухают, это же естественно...

О профессиональной музыкальной карьере тогда еще не помышляли

– И бухали, и бухают, и будут бухать. Что у этих людей в голове было, я понять не могу! Что их заставляло?

– А эти люди, они неистребимы, понимаешь. Эти люди – это кто? Чиновники, которые за это зарплату получают, а больше они ничего не умеют.

– Вернемся к околорымской теме. Про украинский рок. Многие считают, что там гораздо более мелодичные команды, чем у нас – типа «Воплі Відоплясова».

– Правильно, потому что украинская песенная традиция в принципе гораздо более мелодична, более европейская. Все-таки русская народная песня, при всей ее интересности, сильно вгоняет в тоску. И она часто бывает диковата, тюркское влияние местами сильно чувствуется.

– Липницкий мне сказал, что если бы в свое время русский рок не был бы политизирован, если бы не искали бы в текстах что-то подцензурное, у нашей рок-музыки судьба сложилась бы иная; перспективы были. Разделяешь эту точку зрения?

– Да, безусловно. Там было много своих находок, хотя все это, конечно, в кустарных условиях делалось.

– Кого бы ты отметил?

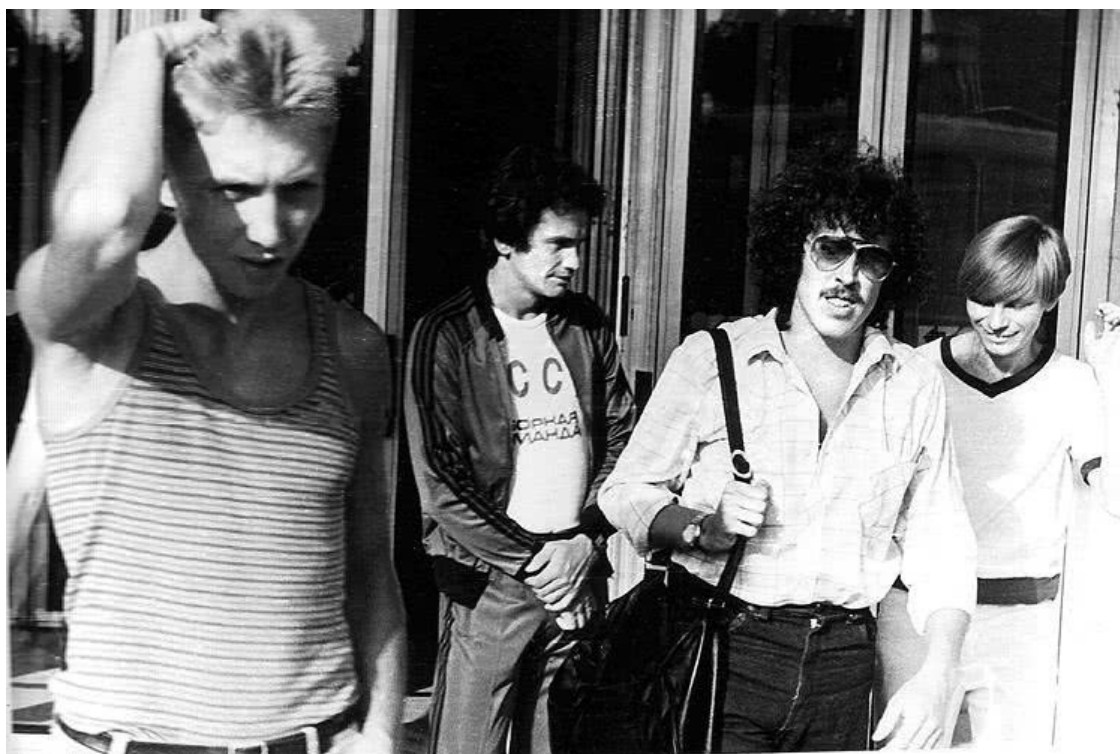
– Безусловно, «Вежливый отказ», в котором я играю и поныне. Это абсолютно уникальное явление, но, скорее, композиторское. Просто в рок-форме серьезная современная музыка, по большому счету. А так, если копать, не знаю, у нас всегда все-таки слово превалировало над музыкой.

За исключением Майка Науменко и Бори Гребенщикова никто с английским особо не дружил. И не очень задумывались, о чем там поют «Битлы». Ну ясно, что о любви, ясно, что о свободе. А в принципе, это понятно и без слов. И если в музыкальной составляющей – опирались на западные образцы, которые доходили до нас через фарцовщиков, то в языковой, естественно, опирались на русскую традицию, от которой все идет. А это Галич, Высоцкий, Окуджава. Все равно это сочинялось под гитару. Не то, что группа собиралась и начинали вместе что-то такое придумывать, музыкальную какую-то фактуру вместе, *all together*. Нет. Здесь сначала один автор что-то на гитарке намурлыкал, сочинил, какой-то текст ему с небес спустился или он его из недр души достал. А потом начинали как-то это все присобачивать в какую-то музыкальную фактуру, более-менее модную и сообразную времени. То есть это все-таки вторичная конструкция. Сначала рисунок набрасывается, а потом он раскрашивается, а не то, что берем краски и кидаем на холст, если с живописью аналогию проводить.

И квартирники те же, они под что? Они естественно, под гитарку, кто-то подбрякает или на *percussion* каких-нибудь настучит.

– Ты был, кстати, на «Квартирнике» у Евгения Маргулиса, или он тебя не приглашал?

– Нет, так до сих пор и не пригласил, хотя мы с ним недавно виделись, на кинофестивале «Дух огня»: я там музыкальный руководитель у Сережи Соловьева. И уже 16 фестивалей прошло, и я, по-моему, с пятого фестиваля так и торчу. И там мы пересекались с Маргулисом, очень мило пообщались, у них параллельно был концерт.

Зайцев и Рыженко – яркий тандем блондинов в «Машине времени»

– Про телевидение. В свое время Александр Борисович Градский любил повторять, что никто кроме него петь не умеет. У него такое выражение, «пердячий пар из пасти», очень романтическое и поэтичное. Проект «Голос», в котором он был наставником, открыл стране много интересных исполнителей. Как ты к этому проекту относишься?

– Я смотрел фрагментарно, в общем-то мне это неинтересно, профессионально неинтересно. Я имею в виду, что это то же, чем я занимаюсь, – зачем мне за всем этим следить? Это как из старого анекдота про девушку легкого поведения, которая приехала в Сочи. Лежит,

а к ней подходит рабочий познакомиться. Она ему говорит: «Представь, кругом на пляже лежат станки, станки, станки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.